

**ВЛИЯНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ
НА СТАНОВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ**

И. А. Пфаненштиль, М. П. Яценко (Красноярск)

В статье отмечается, что на современном этапе человечество столкнулось с системно-глобальным мегакризисом, который связан с тем, что человечество в своем развитии подошло к некой антропологической границе, когда оказались исчерпанными все прежние смыслы Homo sapiens. Указанная трансформация получает такое широкое распространение в мире, что можно говорить о некой тенденции, угрожающей основам современной цивилизации. Не случайно, по мнению некоторых ученых, восстановление биполярности в начале нового тысячелетия связывают прежде всего с перспективами динамичного развития Азиатско-Тихоокеанского региона, точнее говоря, Китая. Грядущую биполярность сторонники данной концепции определяют как противостояние «цивилизационное», считая, что необходимо создать предсказуемый, справедливый и гуманный мир, а такое кардинальное изменение нынешнего мироустройства предполагает переход от однополярного мира к миру многополярному.

Авторы полагают, что сегодня при геополитическом теоретизировании имеет смысл перенести акценты с глобальной картины (исследований микрорегиона) на «средний уровень». Оптимальной единицей анализа мог бы стать регион как некая геополитическая, геокультурная и геоэкономическая целостность, демонстрирующая динамический момент в геополитическом анализе (трансграничный характер, изменчивость контуров, смена доминантных региональных держав, культурные, этнические и демографические трансформации). По нашему мнению, не лишены смысла и попытки регионального геополитического анализа Европы или постсоветского пространства.

Идеология насильственной глобализации приводит к игнорированию уникального регионального опыта, имеющего вековые традиции. Однако региональный опыт устойчивого существования представляется наиболее интересным, поскольку а) он отслеживает реальную быстроменяющуюся жизнь; б) является доступным, потому что изложен не сухим научным

© Пфаненштиль И. А., Яценко М. П., 2015

Пфаненштиль Иван Алексеевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой глобалистики и геополитики, Сибирский федеральный университет.

E-mail: IPhanenstil@sfu-kras.ru

Яценко Михаил Петрович – доктор философских наук, профессор кафедры глобалистики и геополитики, Сибирский федеральный университет.

E-mail: ymp1957@rambler.ru

Pfanenshtil Ivan Alekseevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Chair of Global Studies and Geopolitics, Siberian Federal University.

Yatsenko Mikhail Petrovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Chair of Global Studies and Geopolitics, Siberian Federal University.

языком, а формулируется на бытовом уровне; в) часто связан с важнейшим инстинктом самосохранения конкретных социальных единиц, то есть его значимость подтверждается на антропологическом уровне.

Вместо вестернистского мира, в котором доминирующие позиции занимают основополагающие параметры западной рационалистической цивилизации, должна возникнуть новая цивилизация на началах органического сочетания единства и неделимости мирового сообщества, с одной стороны, диверсификации и плюрализма народов, культур, религий – с другой.

В современном мире образование рассматривается не только как информационно-коммуникационное средство и механизм трансляции и распространения знаний, но и как социальный институт духовно-нравственного развития человека, как основа социализации личности, активно включенная в различные сферы общественной жизни.

Ключевые слова: геополитические факторы, многополярность, биполярность, вселенскость, образование, воспитание.

THE INFLUENCE OF GEOPOLITICAL FACTORS ON THE FORMATION OF EDUCATION

I. A. Pfanenshtil, M. P. Yatsenko (Krasnoyarsk)

The article notes that, at the present stage, the mankind is faced with a system-global mega-crisis, which is linked to the fact that mankind in its development has come to a kind of anthropological border, when all the old meanings of Homo sapiens have been exhausted. The indicated transformation becomes so widespread in the world that we can talk about a certain trend that threatens the foundations of modern civilization. According to some scholars, it is not by chance that the restoration of bipolarity in the beginning of new millennium is associated primarily with the prospects of dynamic development of the Asia-Pacific region, more precisely, China. The coming bipolarity is defined by the supporters of this concept as a "civilizational" opposition. They believe that it is necessary to create a predictable, fair and humane world; and such a radical change in the current world order involves a transition from a unipolar to a multipolar world.

The authors believe that today, in the geopolitical theorizing it makes sense to shift the focus from the global picture (of the research of world order) to the "middle level". An optimal unit of analysis can be a region as a kind of geopolitical, geo-economic and geo-cultural integrity, demonstrating a dynamic moment in the geopolitical analysis (the cross-border nature, variability of contours, change of the dominant regional power, cultural, ethnic and demographic transformation). In our opinion, the attempts of regional geopolitical analysis of Europe or the former Soviet Union are also not without meaning.

The ideology of forcible globalization leads to the neglect of unique regional experience having centuries-old traditions. However, the regional experience of sustainable existence appears the most interesting, because a) it traces the rapidly changing real life; b) it is accessible, because it is not presented by a dry scientific language, but is formulated on the everyday common level; c) it is often

associated with the most important instinct of self-preservation of specific social units, that is, its importance is confirmed on the anthropological level.

Instead of a Western-type world in which the dominant positions are occupied by the ground-laying parameters of the Western rationalist civilization, there should arise a new civilization on the basis of organic combination of unity and indivisibility of the international community, on one hand, and the diversification and diversity of peoples, cultures, religions, on the other.

In today's world, education is seen not only as an information-communication tool and a mechanism of translation and dissemination of knowledge, but also as a social institution of spiritual-moral development of the individual as the basis of socialization of personality, its active inclusion into various spheres of social life.

Keywords: *geopolitical factors, multipolarity, bipolarity, universality, education, education, upbringing.*

В современном глобальном мире постепенно формируется компьютерное поколение, которое живет только заботами о функционировании информационной техники, мыслит и говорит по-другому, культивируя «информационное невежество». Все это порождает новые социальные проблемы, которые можно решить, если вернуть в систему образования такой важный составляющий элемент, как воспитание личности.

В процессе образовательной деятельности важно постоянно учитывать, что информационная культура тесно связана с социальной природой человека и формируется в процессе социализации будущего специалиста одновременно с развитием его творческих способностей. На обучающегося все большее влияние оказывает идеология быстрого финансового успеха, которая постепенно замещает идеологию честного труда. Практика свидетельствует, что современный студент все чаще бывает отключен от реальностей сознания, становится потребителем новой культуры – аудиовизуального продукта. Новые открытия в области компьютерных технологий создают реальную возможность частичного или полного контроля над поведением человека, поэтому постепенно, но неуклонно процесс обучения переходит в сферу электронной несвободы, виртуального мира. В результате возникает угроза дегуманизации многовековой культуры человечества, унификации цивилизаций на основе отключенного от реального мира сознания. Это воздействие на сознание человека формирует такие феномены, как технократизм мышления, ограничение мышления и деятельности строго рациональными формами, ослабление межличностного общения людей. Отсюда – их отчуждение и как следствие всего этого – перерождение культуры в технологию.

Глобализация закрепляет положение «золотого миллиарда» и положение бедных, о чем свидетельствуют доклады и данные ООН. Само понятие устойчивого (сбалансированного) развития тесно увязывается с процессом

сущностных изменений как результата балансирования разнонаправленных тенденций, а устойчивому развитию наиболее адекватен принцип глобального оптимума, по В. Ф. Парето [1]. Как отмечает А. С. Панарин, «... перед нами две альтернативные концепции философии истории: согласно одной модерн – окончательный выбор человечества, которому предстоит продолжать эпопею прогресса, согласно другой прогрессистская эпоха – это преходящая промежуточная форма между старым традиционным и новым, грядущим типом нестабильности» [2, с. 84].

Следующий уровень анализа социального действия связан у Парсонса с понятием социальной системы как коллективности определенного типа, характеризующейся специфическим распределением социальных ролей, с одной стороны, и нормативно-ценностными установками, возникающими в рамках культуры, – с другой [3]. Главным понятием на этом уровне в парсонской концепции выступает понятие целостности, которая обеспечивается благодаря функционированию определенной системы равновесия. Но само это равновесие и целостность системы не достигаются автоматически, они есть результат сложного взаимодействия всех компонентов социальной системы, которая неизбежно проходит через определенные точки социальной напряженности. Социальная система, по Парсонсу, характеризуется четырьмя функциональными требованиями: воспроизводством сложившихся форм (*pattern maintenance*), интеграцией составляющих ее подсистем, достижением цели и адаптацией [3]. Порядок изложения функциональных требований социальной системы может быть иным. В данном случае он подчинен идее определенного цикла в процессе изменения социальной системы от устойчивости за счет регулирования в ней скрытых напряжений (это связано с первой функцией) до изменений, связанных с реализацией определенной цели и адаптацией к новым условиям.

Проявлением дестабилизации могут служить конфликт, долговременное и устойчивое противостояние субъектов деятельности, то более, то менее напряженное состояние системы, столкновение ее отдельных элементов, институциональных форм и структур. Вектор стабильности теряет равновесие, согласованность взаимодействия его отдельных элементов отчетливо сужается, что может происходить как в локальных, так и глобальных социокультурных системах.

Стабильность зависит от уровня институционализации социокультурных образований и избирательных историко-культурных факторов. Развитые цивилизации отличаются от менее развитых, имеющих нестабильные структуры, высоким уровнем институционализации и субъективного фактора в управлении социокультурными процессами, важнейшим из которых является стабильность общественного договора, в какой бы форме он ни вступал.

Сбалансированность отношений, интересов осуществляется по линии как вертикальных, так и горизонтальных социокультурных связей. Ей свойственны две черты, первая из которых характеризует общество в цикле исторического развития, а вторая – зрелость общественно-договорных отношений, утвердившихся на данном историческом отрезке. Объективной стороной стабильности выступает наличие консенсуса противоборствующих сил и тенденций, а субъективной стороной – воля к поиску компромиссов.

Дело в том, что на современном этапе человечество столкнулось не с обычным кризисом, который в истории имеет не только негативное следствие, но с системно-глобальным мегакризисом. Он связан, по нашему мнению, с тем, что человечество в своем развитии подошло к некой антропологической границе, когда оказались исчерпанными все прежние смыслы *Homo sapiens*. Справедливо отмечает М. А. Чешков: «Мы имеем дело с чем-то большим, чем кризис – с фундаментальным сбоем универсальной эволюции, сбоем, угрожающим бытию человечества как целого. В этом контексте более понятна и угроза хаоса, который выглядит состоянием не какой-то определенной социальной системы, но состоянием человечества в его бытии в виде исторически определенного типа глобальной сущности» [4, с. 131]. Указанная трансформация получает такое широкое распространение в мире, что можно говорить о некой тенденции, угрожающей основам современной цивилизации. Не случайно, в новых условиях люди и нации пытаются ответить на самый главный вопрос из всех, что могут стоять перед человеком: кто мы такие? Подтверждением является тезис В. И. Максименко: «Когда распад сверхдержавы в центре евразийского континента вновь актуализировал идею создания “мирового правительства” (за полгода до ликвидации СССР об этом заявил... крестный отец Римского клуба Дэвид Рокфеллер), геополитическим выражением нового глобального проекта стало “расширение” на восток» [5, с. 74–75].

Прав Э. Г. Соловьёв, отмечающий, что «многополярность означает прежде всего кардинальную трансформацию самой сути взаимоотношений как между отдельными центрами силы, так и внутри них. Эти взаимоотношения становятся более сложными и многомерными... Исчезают четкие конфронтационные границы, возрастает количество факторов, определяющих мировую политику, при уменьшении роли военных, пространственно-географических и некоторых других ее аспектов» [6, с. 117]. И очевидно, не случайно, по мнению этого ученого, восстановление в начале нового столетия биполярности связывают прежде всего с перспективами динамичного развития Азиатско-Тихоокеанского региона, точнее говоря, Китая... Грядущую биполярность сторонники данной концепции определяют как противостояние «цивилизационное». Необходимо соз-

дать предсказуемый, справедливый и гуманный мир, а такое кардинальное изменение нынешнего мироустройства предполагает переход от однополярного мира к миру многополярному.

Мы полагаем, что сегодня при геополитическом теоретизировании имеет смысл перенести акценты с глобальной картины (исследований миропорядка) на «средний уровень». Оптимальной единицей анализа мог бы стать регион как некая геополитическая, геокультурная и геоэкономическая целостность, демонстрирующая динамический момент в геополитическом анализе (трансграничный характер, изменчивость контуров, смена доминантных региональных держав, культурные, этнические и демографические трансформации). По нашему мнению, не лишены смысла и попытки регионального геополитического анализа Европы или постсоветского пространства.

В современном мире, особенно в развитых странах, происходит определенное перераспределение функций между государством и гражданским обществом, как правило, в пользу последнего. Похожая тенденция наблюдается и в международной политике, где все большее число вопросов, ранее входивших в исключительно внутреннюю компетенцию государств, все чаще становится предметом международного обсуждения. В первую очередь это относится к проблематике соблюдения прав человека, которая перестала рассматриваться как исключительно внутреннее дело государства. Кроме того, возникает определенное противоречие между сложившейся геополитической структурой, включающей, к примеру, страны с традиционными ценностями, и безоговорочным навязыванием «общечеловеческих ценностей».

В связи с этим возникает новый тип человека, новая антропологическая реальность, лишенная неизменяемого сущностного ядра. Этот облик в корне расходится с традиционными европейскими представлениями о человеке. Человека рубежа тысячелетий, времени психоанализа и интернета, недавнего тоталитарного опыта, радикальных психотехнических, психоделических, виртуальных практик, гендерных революций нельзя считать прежним классическим субъектом европейской антропологии и метафизики [7, с. 39]. Об этом необходимо помнить при разработке новой концепции, учитывающей и геополитическую реальность, и глобалистские тенденции современности.

Следующий аспект современной геополитической ситуации в условиях глобализации состоит в изменении вектора отношений в системе «Восток-Запад». В стремлении найти выход из кризисной ситуации Запад обращает свой взор на Восток с его богатыми культурными традициями, надеясь найти способы решения глобальных проблем. Необходимо отметить, что сегодня диалог Востока и Запада приобрел поистине общечеловеческую значимость. В нем заинтересован не только Запад, который

стремится уменьшить конфронтацию с «третьим миром» и подключить его к мировой экономике и политике, и Восток, пытающийся определить пути и средства модернизации, но и все человечество, желающее найти выход из кризисной ситуации, угрожающей жизни на планете. Представители восточной и западной философии считают, что диалог следует искать прежде всего через выход к общей нравственной платформе, к своеобразной «планетарной макроэтике». Настоящий диалог между цивилизациями возможен тогда, когда Восток станет подлинным участником обсуждения, а не просто объектом изучения. Это именно тот важный шаг, который должны сделать Европа и Америка для осуществления проекта «Диалог цивилизаций». И если сегодня «великие цивилизации Азии видят себя в зеркале Запада и узнают друг друга при посредничестве Запада, в не столь отдаленном прошлом таким же зеркалом для Запада служил ислам. Он был тем зеркалом, в котором Запад мог видеть свое собственное прошлое и свое философское и культурное наследие. Хорошо известно, что ислам, испытав глубокое влияние греческой цивилизации, сыграл роль посредника и познакомил европейцев с достижениями мысли и философии греков» [8, с. 179–180].

Политика глобализации, проводимая Западом, направлена на уничтожение национальных культур, и методы глобализации во многом задаются субъектами глобализационного давления, стремящимися навязать свои стандарты всему мировому сообществу. Один из самых опасных способов глобализационного давления – это политика «двойных стандартов», проявлением которой является использование силы в международных отношениях и готовность ее применять вопреки международному праву.

Идеология насильственной глобализации приводит к игнорированию уникального регионального опыта, имеющего вековые традиции. К примеру, Красноярский край играет важную роль не только в общегосударственном масштабе, но и в геополитическом смысле, представляя собой самодостаточный регион, сохраняющий вековой опыт гармоничных взаимоотношений людей различных национальностей, религий, менталитета. Подобные региональные примеры изучаются в лучшем случае на уровне спецкурсов гуманитарных факультетов, однако в общегосударственном масштабе данный опыт устойчивого существования на протяжении веков не только не востребован, но часто даже не известен.

Рассуждая об устойчивости, современные политтехнологи, к сожалению, чаще используют западный опыт, который в большинстве случаев носит декларативный характер. Имеется в виду, что в экономическом плане навязываются концепции, игнорирующие отечественный опыт. Более того, большинство из навязанных извне проектов устойчивости являются скорее конфликтонесущими, поскольку изначально предполагают абсолютно

чуждую систему ценностей. В качестве примера мы можем привести искусственное навязывание такого понятия, как «толерантность» и т. п., которое изначально в Сибири не является востребованным. Культивирование подобных образцов не только не способствует устойчивости конкретного региона, но и в состоянии спровоцировать серьезные противоречия (что особенно опасно) в образовательной среде.

Региональный опыт устойчивого существования представляется наиболее интересным, поскольку:

- а) он отслеживает реальную быстроменяющуюся жизнь;
- б) является доступным, потому что изложен не сухим научным языком, а формулируется на бытовом уровне;
- в) часто связан с важнейшим инстинктом самосохранения конкретных социальных единиц, то есть его значимость подтверждается на антропологическом уровне. К примеру, геополитическое положение региона предполагает мощное влияние восточной культуры, где устойчивость имеет несколько другие параметры, чем навязываются субъектами глобализации. В первую очередь важно учитывать тот факт, что для аксиологической шкалы обществ Востока характерен приоритет коллективистских ценностей, что естественно усиливает устойчивость как отдельной страны, так и целого региона. Кроме того, ведущим критерием в оценке уровня общественного развития на Востоке является не свобода, как она понимается в западных странах. В частности, представители восточных обществ, как правило, не стремятся завоевать как можно больше личных свобод, а ратуют за более высокий уровень общего совершенствования.

Проблема многих регионов значительно обостряется в связи с тем, что глобальное образовательное пространство не укладывается в привычные для большинства людей границы их традиционной самоидентификации: цивилизационной, религиозной, культурной, национально-государственной и пр., то есть сами границы остаются, но уже не вмещают содержание человеческой жизни в глобальном обществе. Возникает ситуация «кризиса» всех существующих форм идентичности, когда ни одна из них не гарантирует человеку сознания его современности. На этом фоне становятся более востребованными проблемы, связанные с проблемами устойчивости, что особо отчетливо ощущает на себе образовательная система, призванная транслировать социальный опыт подрастающему поколению.

Указанная проблема актуализируется также в связи с проблемой формирования механизмов глобального управления и специфики его изучения. Тем более что выдвижение политических способов решения глобальных проблем будет выходить на первый план по отношению к другим глобальным процессам.

Важный аспект анализа особенностей устойчивости на региональном уровне связан с тем, что глобалистика имеет дело с открытым нелинейным миром, включая Космос, поэтому ее законы должны содержать в своей структуре в разной степени все аспекты устойчивого развития и коэволюции человека и природы. В их содержание должны входить объективные и субъективные элементы, а также объективный глобальный процесс и представление о нем, его реализации в обществе.

Можно констатировать, что сложные и противоречивые процессы интеграции народов, культур, цивилизаций и др. в один, единый и целостный социальный организм со свойственными ему политико-правовой организацией и структурами образования и воспитания служат выражением тенденций «глобализации». Отсюда следует, что только образцовый опыт предшествующих поколений поможет сохранить лучшие региональные традиции сначала на региональном уровне, а потом и в масштабах всей страны.

Серьезное влияние на устойчивость регионов оказывает тот факт, что в современном глобальном социальном пространстве происходит искусственно навязанное перераспределение идентичностей, приводящее к образованию новых условий для деления обществ. Фрагментация национальных сообществ, региональное разделение труда, смещение приоритетов, идеологическая борьба и экспансия отдельных видов культурных ценностей ведут к тому, что у нас возникает все больше возможностей для рынка.

Образовательная система аккумулирует в себе как положительный, так и сомнительный опыт социальной жизни, поэтому представляется важным решать вопросы устойчивости на уровне конкретного региона.

Таким образом, дифференциация и интеграция образовательных систем – диалектически взаимосвязанные стороны исторического процесса развития обществ, проявляющиеся в различной степени их региональной устойчивости.

Кризис, в котором оказалась Россия в последние десятилетия носит в большей степени субъективный характер, то есть является следствием целенаправленной деструктивной политики Запада и безответственных политиков в нашей стране. Однако многие народы по-прежнему связывают спасение своей идентичности и дальнейшее самостоятельное развитие своей культуры именно с Россией как наиболее духовной страной, преемницей диалектической традиции.

Идея всеединства занимает важнейшее место в российской научной и философской системе взглядов и позволяет рассматривать мир и лежащие в его основе закономерности как нераздельное целое. Альтернативный проект науки, обоснованный в работах русских космистов, выполняет мировоззренческую и методологическую функцию, способствуя

обоснованию философской постановки проблем всеобщей связи явлений (см., напр.: [9]). Русская научная мысль в своем космическом проявлении органично сочетает в себе естественнонаучные, философские и социальные аспекты человеческого знания, создавая основу положительного научного направления в развитии человечества. В этой связи важно отметить претензии идеологов глобализации на всеобщность, которая не имеет под собой космического основания.

Проводимая в современных условиях политика ведущих стран Запада по игнорированию интересов отдельных государств и регионов является опасной с точки зрения потенциальных геополитических конфликтов. Именно поэтому в современных условиях принципиально важной для ученых становится задача выработки нового мышления, которое не игнорировало бы геополитическую методологию исследования международных конфликтов и вместе с тем учитывало реальности глобализирующегося мира.

Если современные тенденции сохранятся, а именно будут нарастать как внутренние, так и внешние угрозы ядерной, радиационной, технологической, экономической, экологической, продовольственной, демографической, оборонной, военной и другие виды национальной безопасности в условиях обострения борьбы наций за выживание и передел территорий и невозобновимых природных ресурсов в XX в., будущее человечества будет омрачено геополитическими конфликтами.

В современных условиях кризис переживает сама теория прогресса, порожденная западной наукой и воспринятая мировой общественной мыслью как основная, в отличие от теории развития, обоснованной в русской и восточных философских системах. Теория прогресса исходит из принципа изменения, а теория развития – из принципа усложнения социальных явлений, включая духовные основания индивида и общества. Кроме того, «современная повседневность подвела людей к ситуации, к которой подступал Э. В. Ильенков («Космология духа») в своем мысленном эксперименте, где человек оказывается перед необходимостью позаботиться о сохранении и продлении бытия. Бывшее гарантом появления и существования человека бытие оказывается в опасности. Тогда обнаруживается истинная роль мышления, приходящего на помощь мировому процессу, его “действительному круговороту” в виде “истинной бесконечности”. Современная практика глобального кризиса порождает иные подходы. Вопрос формулируется не с позиций способной пожертвовать собой мыслящей материи как высшей формы ее движения, но, скорее, с позиций высшего эгоистического субъекта, готового пожертвовать самой природой, способной развить из себя разумные существа. В итоге жертвы природы победа достается “технологии”. Человек оказывается на стороне

разрушения, уничтожения бытия вместо того, чтобы своей деятельностью способствовать развитию бытия» [10, с. 124].

Все чаще появляются и элементы всеобщности, вселенскости, которые, по нашему мнению, в целом отражают именно диалектическую традицию познания мира. «Основным критерием выявления социального центра Вселенной является высшая ступень развития материи. Только человек соответствует данному критерию. Поэтому человечество обязано разобраться в окружающем мироздании, как в своем естественном фундаменте. Люди в большом долгу перед природой. Вселенскость – это новый уровень мышления землян как единой целостной цивилизации. Глобальная цивилизация составляет основу для проявления ее вселенскости. Поэтому разрешение глобальных проблем есть пролог для осмысления вселенских потребностей» [11, с. 140].

Вместо вестернистского мира, в котором доминирующие позиции занимают основополагающие параметры западной рационалистической цивилизации, должна возникнуть новая цивилизация на началах органического сочетания единства и неделимости мирового сообщества, с одной стороны, диверсификации и плюрализма народов, культур, религий – с другой.

В современном мире образование рассматривается не только как информационно-коммуникационное средство и механизм трансляции и распространения знаний, но и как социальный институт духовно-нравственного развития человека, как основа социализации личности, активного включения ее в различные сферы общественной жизни.

Таким образом, анализ социально-философских аспектов проблем современного образования предполагает учет неоднозначности влияния современных информационных технологий на образовательную систему как социальный институт, выступающий в традиционном отечественном качестве – единстве обучения и воспитания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Pareto V. F.** Manual of Political Economy. – London, 1906. – 470 p.
2. **Панарин А. С.** Философия истории. – М., 1999. – 432 с.
3. **Парсонс Т.** Системы современных обществ. – М., 1998. – 270 с.
4. **Чешков М. А.** К интегральному видению глобализации // Постиндустриальный мир и Россия. – М. : Экономика, 2001. – С. 117–136.
5. **Максименко В. И.** Геополитическое измерение истории и среднеазиатский вопрос // Восток (Oriens). – 2003. – № 5. – С. 73–84.
6. **Соловьёв Э. Г.** Геополитический анализ международных проблем современности: Pro et contra // Полис. – 2001. – № 6. – С. 116–119.
7. **Хоружий С. С.** Человек и его три дальних удела. Новая антропология на базе древнего опыта // Вопросы философии. – 2003. – № 1. – С. 38–40.
8. **Хатами М.** Ислам, диалог и гражданское общество. – М. : Рос. полит. энцикл., 2001. – 240 с.

9. **Вернадский В. И.** Биосфера и ноосфера. – М. : Наука, 1989. – 261 с.
10. **Прохоров М. М.** Парадоксы деятельности // Вестник философского общества. – 2003. – № 1. – С. 124–125.
11. **Пырин А. Г.** Вселенскость // Вестник философского общества. – 2003. – № 1. – С. 140–141.

REFERENCES

1. **Pareto V. F.** Manual of Political Economy. – London, 1906. – 470 p.
2. **Panarin A. S.** Philosophy of History. – Moscow, 1999. – 432 p.
3. **Parsons T.** The system of modern societies. – Moscow, 1998. – 270 p.
4. **Cheshkov M. A.** To an integral vision of globalization. – Postindustrial world and Russia. – Moscow : Economics, 2001. – P. 117–136.
5. **Maksimenco V. I.** Geopolitical dimension of history and the issue of Central Asia. – East (Oriens). – 2003. – No. 5. – P. 73–84.
6. **Solovyov E. G.** Geopolitical analysis of international problems of our time: Pro et contra. – Polis. – 2001. – No. 6. – P. 116–119.
7. **Horuzhy S. S.** Human being and his/her three distant inheritance. New anthropology on the basis of ancient experience. – Problems of Philosophy. – 2003. – No. 1. – P. 38–40.
8. **Khatami M.** Islam, dialogue and civil society. – Moscow : Russ. polit. encycl., 2001. – 240 p.
9. **Vernadsky V. I.** Biosphere and noosphere. – Moscow : Nauka, 1989. – 261 p.
10. **Prokhorov M. M.** Paradoxes of activity. – Bulletin of the Philosophical Society. – 2003. – No. 1. – P. 124–125.
11. **Pyrin A. G.** Universality. – Bulletin of the Philosophical Society. – 2003. – No. 1. – P. 140–141.

BIBLIOGRAPHY

- Englander K., Uzuner-Smith S.** The role of policy in constructing the peripheral scientist in the era of globalization. – Language Policy. – Vol. 12. – Issue 3. – August 2013. – P. 231–250.
- Lukov V. A.** Upbringing and globalization: the problems of sociology of upbringing: a monograph. – Moscow, 2007. – 144 p.
- Nalivayko N. V.** Globalization and the change of value orientation of Russian education. – Philosophy of Education. – 2012. – No. 6(45). – P. 27–32.
- Pfanenshtil I. A., Pfanenshtil L. N.** Russia and globalization: problems and prospects. – Culture of the Information Society. – Krasnoyarsk, 2003. – P. 71–72.
- Pfanenshtil I. A., Yatsenko M. P.** Globalization, new world order or fascism? – Theory and History. – 2003. – No. 3. – P. 175–187.
- Pfanenshtil I. A., Yatsenko M. P.** New educational trends in the context of globalization. – Philosophy of Education. – 2014. – No. 6(57). – P. 21–28.
- Smart A., Lui T.-L.** Learning from civil unrest: State/society relations in Hong Kong before and after the 1967 disturbances. – May Days in Hong Kong: Riot and Emergency in 1967. – University of Calgary, Canada; University of Hong Kong, Hong Kong, 2009. – P. 145–159.
- The reality** of the ethnic group. Globalization and national traditions of education in the context of the Bologna process. – Saint-Petersburg : Asterion, , 2005. – 536 p.

Принята редакцией: 14.11.2014.